

Деревянное церковное строительство въ старину на Сѣверѣ Россіи *).

Архангельскій церковно-археологическій комитетъ отмѣчаетъ двадцатипятилѣтіе своего существованія, своей дѣятельности. Періодъ этотъ для нашего комитета, члены котораго добровольно несутъ свои обязанности изъ любви къ родной старинѣ, родному искусству, нельзя считать кратковременнымъ, но какъ опъ ничтоженъ по существу, по задачамъ, лежащимъ въ основѣ дѣятельности церковно-археологическаго комитета, задачамъ, простирающимся на цѣлыя столѣтія, въ вѣчность. Объ этой относительной кратковременности приходится очень сожалѣть, потому что многого, многихъ памятниковъ древности, священныхъ реликвій прошлаго, мы уже не можемъ досчитаться, о нихъ можемъ только сказать словами поэта: *одниае унса нѣма*—небреженіемъ-ли людскимъ или изъявленіемъ милости Божьей—сгорѣли они,—и *тѣ далече*—расхищены, разсыпаны по разнымъ угламъ нашего обширнаго отечества, и не скоро ихъ отыщешь, если только возможно еще отыскать.

Среди многихъ предметовъ, имѣющихъ историческую и художественную цѣнность в собранныхъ въ древнехрамницѣ до недавняго времени ощущался большой пробѣлъ: тамъ почти совсѣмъ не было матеріаловъ по монументальной археологіи, не было того, что составляетъ одну изъ главныхъ особенностей нашей древней культуры, цѣнность в значеніи которой въ опредѣленіи русской самобытности имѣетъ чрезвычайное значеніе: я говорю о старомъ деревянномъ церковномъ зодствѣ.

Такого творческаго размаха русскій человѣкъ не проявилъ, кажется, ни на какомъ другомъ поприщѣ своей дѣятельности. И, вотъ это зодчество какъ-то оказалось въ пренебреженіи, какія-то насыкомъ почти по всей Руси, было забыто и заброшено: копали курганы, увлекались эллиническими древностями, занимались отгадываніемъ тайнаго смысла манускриптовъ, а тѣмъ временемъ чудесное, вѣчно живое родное искусство, которое намъ осталось отъ прошлыхъ вѣковъ, погибало. Архангельскій церковно-археологическій комитетъ въ послѣднее время тоже обратилъ свое вниманіе на древнее строительство, и я долженъ сказать, что этотъ комитетъ какъ-то ожилъ въ результатѣ соприкосновенія съ роднымъ искусствомъ, какъ-то сразу сталъ на широкую общественную позицію въ стремленіи охранять культурныя цѣнности, къ которымъ тянется цѣпкая ланя новѣйшаго художественнаго безкусія.

Но что такое древнее деревянное церковное зодчество? Откуда оно къ намъ пришло: изъ варягъ-ли въ греки, наоборотъ-ли, или въ вѣдрахъ своей земля зародились его формы.

На эти вопросы категорическаго отвѣта, къ сожалѣнію, дать нельзя.

Судить объ исторіи древней архитектуры на западѣ Европы сравнительно не такъ трудно, потому что тамъ больше сохранившихся памятниковъ, больше преемственности въ разработкѣ съ теченіемъ вѣковъ самыхъ стилей,—не то у насъ.

*) Рѣчи, произнесенная 9 сентября 1912 г. на торжественномъ актѣ по поводъ 25-лѣтія дѣятельности архангельскаго церковно-археологическаго комитета.

Документально мы мало что знаемъ объ архитектурѣ—почти исключительно деревянной—сель и городовъ нашей древности вплоть до того момента, когда иностранцы путешественники занялись зарисовкой жилищъ нашихъ предковъ или пока иконописецъ не запечетъ свои архитектурныя впечатлѣнія на икону—но это послѣднее было такъ рѣдко, такъ случайно. И хотя трудно предполагать, чтобы зодчество русское процвѣтало въ широкомъ смыслѣ этого слова въ то время, когда князь возставлялъ на князя, когда междоусобицы уничтожали достояніе цѣлыхъ областей, когда огонь и мечъ были девизомъ храбрости, а татарскія нашествія на Русь были обычнымъ явленіемъ—въ такой тревожный періодъ жизни нашего отечества строенія скорѣй всего сооружались во времени отъ нашествія иноплеменниковъ до братоубійственныхъ схватокъ,—но искры національнаго творчества должны были существовать и въ то время, гдѣ искры, которыя поздиѣ, по мѣрѣ развитія народа, углубленія его самосознанія, улучшенія правопорядка жизни, усиленія государственной мощи—разгорѣлись въ пламя „золотого вѣка“ нашей архитектуры въ XVI—XVII вѣкѣ русской исторіи.

Мы теперь, однако, о тѣхъ исчезнувшихъ формахъ можемъ только догадываться, лишь по аналогіи съ оставшимися памятниками позднѣйшей эпохи и по скуднымъ литературнымъ источникамъ воссоздавать, представлять себѣ и даже не типы построекъ, а лишь ихъ общій характеръ, т. е. очень мало, тѣ же сокровища индивидуальнаго творчества, которыя выражаются то въ той, то въ другой детали сооруженія, то въ рѣзбѣ и окраскѣ и т. п., потеряны для насъ навсегда.

Въ самомъ дѣлѣ,—что осталось отъ деревянной Руси, напр., даже XVI вѣка—кромя одной-двухъ церквей въ нашихъ сѣверныхъ губерніяхъ?, т. е. почти ничего.

Значительно болѣе даютъ въ этомъ отношеніи слѣдующіе вѣка XVII—XVIII.

Перѣдко художники изображаютъ намъ прежнія жилища, стремясь артистическимъ чутьемъ своимъ проникнуть за завѣсу древности, скрывающую отъ насъ прошлую жизнь; но какъ бы талантливо они это ни дѣлали, все таки это не то, что нужно для историка русской архитектуры—нужна протокольная сухая вѣрность и точность съ натурой: тогда истина обнаружилась бы безъ прикрасъ, безъ чуждыхъ, хотя и красивыхъ паслоевъ другого времени—другого умѣнья.

Наиболѣе древними деревянными сооруженіями, уцѣлѣвшими до сихъ поръ на Сѣверѣ, являются церкви, содержація въ себѣ всѣ элементы, всѣ достоинства и недостатки строительнаго искусства нашихъ предковъ и, будучи едва ли не самыми грандіозными сооруженіями древности, заслуживаютъ исключительнаго вниманія и разбора, т. к. большая часть остальныхъ сооруженій является такъ или иначе повтореніемъ основныхъ формъ церковнаго зодчества, или, можетъ быть, еще вѣрнѣе сказать, что тѣ и другія формы сооруженій есть результаты взаимодѣйствія, переплетенія основъ гражданскаго и церковнаго строительства, почему по однимъ стойтельнымъ приемамъ можно судить о другихъ и наоборотъ. И такъ было всегда и всюду. И не только можно судить о техническихъ приемахъ, но и объ укладѣ жизни нашихъ предковъ. Вѣдь изъ всѣхъ родовъ искусства архитектура—обнимающая въ себѣ всѣ отрасли искусства, являясь искусствомъ универсальнымъ, въ тоже время имѣетъ главнымъ образомъ прикладное значеніе.

Но если въ литературѣ, живописи и скульптурѣ могутъ еще возникать вопросы самодовольствующаго свойства „искусство для искусства“, — то архитектура за рѣдкими исключеніями свободна отъ такихъ положеній: по самой природѣ своей она не можетъ быть цѣлью, она всегда средство. Поэтому, какъ общее правило, можно сдѣлать выводъ, что вмѣстѣ съ измѣненіемъ формъ человѣческаго общества измѣняется и характеръ архитектуры, и въ значительной степени архитектура, какъ и уже сказано, можетъ служить зеркаломъ общественной жизни человѣчества, иначе говоря, каждый народъ кладетъ свой отпечатокъ на архитектуру, по своему рѣшаетъ вопросъ о красотѣ формъ, внося въ нихъ соображеніе сообразно историческимъ и географическимъ условіямъ своей жизни.

Прослѣдимъ теперь какъ развивалось зодчество — главнымъ образомъ церковное — на Сѣверѣ.

Сѣверъ Россіи — или такъ называемое „Заволочье“ — издавна — еще съ IX вѣка обратилъ на себя вниманіе Великаго Новгородца, сдѣлавшаго изъ этой обширнѣйшей области сначала рынокъ для обмѣна своихъ товаровъ на разные предметы добычи туземцевъ въ лѣсахъ и водахъ Заволочья, а затѣмъ, постепенно, шагъ за шагомъ къ XII вѣку превратившій Сѣверный край въ свою колонію, гдѣ, ассимилируя фактомъ сожительства существованія — туземцевъ, привнося послѣднимъ новыя порядки, новгородцы попрежнему преслѣдовали почти исключительно свои коммерческіе интересы и матеріальныя выгоды, для достиженія которыхъ не брезговали никакими средствами. Эта жажда наживы, обогаченія и того овладѣла удалыми новгородцами, что они совершенно забыли о духовныхъ своихъ интересахъ, которые могли выразиться въ той или другой степени религіозности, въ результатѣ чего не могло бы не возникнуть созданія храмовъ Божіихъ. Но, повидимому, этого не было. По крайней мѣрѣ до конца XIV вѣка почти нѣтъ слѣдовъ существованія не только монастырей — вопросъ о времени основанія Михаило-Архангельскаго монастыря до сихъ поръ остается открытымъ — но и церквей и часовенъ, хотя это и трудно допустить: вѣроятно, кое-что дѣлалъ и въ этомъ отношеніи, но болыно для успокоенія совѣсти.

Но если наблюдается отсутствіе слѣдовъ церковнаго строительства въ Заволочьи даже до конца XIV вѣка, то жилища, укрѣпленныя мѣста для защиты отъ нападений инородцевъ или остроги новгородцами должны были сооружаться, да это было и не трудно, т. к. новгородцы издавна славились, какъ хорошіе плотники.

Туземнаго зодчества въ настоящемъ значеніи этого слова не существовало. Русскія письменныя сказанія XIV вѣка о жителяхъ сѣвернаго и южнаго поморья говорятъ какъ о крайне грубомъ непріхотливомъ народѣ въ пищѣ, жилищахъ, правахъ.

Также отзывались о сѣверныхъ инородцахъ и иностранцы даже въ XVI вѣкѣ. Поэтому архитектура Сѣвера цѣлкомъ явилась продуктомъ русскаго происхожденія — результатомъ перекрещивавшихся позвѣлія вліяній Новгородско-Псковскихъ областей и княжествъ, лежащихъ къ югу и сѣверо-востоку отъ Новгорода и Пскова, хотя мы и не будемъ сейчасъ доискиваться, какъ и откуда эта архитектура появилась въ вышеуказанныхъ искони русскихъ земляхъ. — Собственно церковное строительство въ широкомъ разбѣрѣ въ Заволочьи стало развиваться по мѣрѣ

того, какъ отбирались земли новгородцевъ подъ власть московскаго царя и по мѣрѣ расширения колонизаторской дѣятельности сѣверныхъ монастырей въ XV и XVI вѣкахъ, когда начали образовываться культурные оазисы, размножились торговые и административные центры, когда увеличилось населеніе края и прочно тамъ осѣло—вотъ тогда и явилась потребность, нужда въ церкви, какъ почетельницы о духовныхъ интересахъ своихъ чадъ, какъ могучаго средства въ цѣляхъ мирнаго покоренія туземнаго населенія, просвѣтленія его духовныхъ горизонтовъ.

И не буду долго останавливаться на формахъ плаповъ, по которымъ воздвигались древніе деревянные храмы; планы эти вызывались конструктивными свойствами матеріаловъ и позднѣе влияніемъ каменнаго зодчества; не буду долго останавливаться и на покрытіяхъ деревянныхъ церквей, хотя эти покрытія и заслуживаютъ того, чтобы посвятить имъ цѣлый трактатъ, скажу лишь, что строительство это не знаетъ авторовъ, оно эпическое, народное, какъ народно „слово о полку Игоревѣ“. И какъ эпосъ письменный отражаетъ въ себѣ передуманное и перечувствованное народомъ за долгія промежутки исторіи, такъ и древняя, деревянная церковная архитектура отражаетъ въ себѣ думы и помыслы народные въ зодчествѣ: изъ поколѣній въ поколѣнія, изъ одной области въ другую, изъ города въ городъ, изъ села въ село передавались приемы церковнаго строительства, и воздвигались храмы, лучше которыхъ у насъ на Руси до сихъ поръ еще не создано. Это строительное творчество никогда не было застывшимъ, омертвѣлымъ, наоборотъ, оно сверкало жизнью, разнообразіемъ. Однѣ формы смѣнялись другими лишь только тогда, когда формы тѣ совершили извѣстный круговоротъ, когда ими было сказано все, что можно было сказать—это была эволюція, перевоплощеніе однѣхъ формъ въ другія.

Первоначально заплели свои приемы на Сѣверъ новгородцы, эти приемы крѣпко тамъ засѣли. Когда, напр., архіепископъ Ростовскій Тихонъ въ 1490 г. вмѣсто сгорѣвшей въ Великомъ Устюгѣ церкви велѣлъ заложить церковь не по старинѣ *креслату*, и срубили уже до шести рядовъ, устюжане заволновались, постройка была приостановлена, и тотъ-же архіепископъ Тихонъ вынужденъ былъ разрѣшить поставить церковь по старому, кругу, о двадцати стѣнахъ. Отсюда уже видно, что древнее строительство не было все-таки самопроизвольнымъ, оно часто сталкивалось съ влияніями извнѣ, была извѣстная борьба, въ которой не всегда побѣждалъ народный гоній, создавшій шатровыя церкви. Позднѣе, около половины 17 вѣка изъ центра идутъ уже прямые указанія, какимъ не быть церквамъ: „чтобы верхи на церкви были не шатровые“, „а глава на церкви не шатровая“ или „алтарь сдѣлать кругло-тройной“—постоянно говорится въ архіепископскихъ грамотахъ. И, дѣйствительно на Сѣверѣ появляются храмы не шатровые, по народъ и тутъ сумѣлъ создать образцы, свидѣтельствующіе о глубокихъ творческихъ задаткахъ, вложенныхъ въ природу русскаго человѣка.

Однако, эти заповѣдья, эти указы весьма весьма симптоматичны. Архитектура не есть что-либо самодондѣющее, существующее ни въ времени и пространства, она есть дитя своего вѣка, своего народа, и на ней, какъ я уже говорилъ, перипетіи жизни націй такъ или иначе не могутъ не отражаться. Въ то время, когда особенно усиленно вносился въ архитектуру ферментъ въ видѣ стригательныхъ восстановленій, въ это самое время, какъ извѣстно, въ церкви кипѣла борьба, отголоски которой чув-

ставуются еще и теперь, борьба со старыми церковными началами, хотя въ данномъ случаѣ и неправильно понятыми. Не классифицируя здѣсь всѣхъ типовъ старыхъ деревянныхъ храмовъ, я останавлиюсь лишь на нѣкоторыхъ ихъ категорияхъ.

I.

Храмы „кльбтся“—это квадратные или прямоугольные срубы, накрытые двускатной крышей съ высокимъ подъемомъ и увѣчаные главой на конусообразной шейкѣ. Примѣромъ можетъ служить церковь на кладбищѣ въ Усть-Паденъгѣ, Шенкурскаго уѣзда.

II.

Храмы „древяна вверхъ“—имѣютъ въ основаніи квадратъ или восьмиугольникъ, а сверху кровлю въ видѣ увѣченной пирамиды съ шейкой и главой—„кругло“, „шатромъ“. Форма эта, какъ она примѣнена въ лучшихъ образцахъ церковнаго зодчества, идеально красивой божественной красотой, которая такъ рѣдко удастся рукамъ человѣческимъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ необычайно конструктивна и цѣлесообразна въ техническомъ отношеніи по устойчивости и прочности въ смыслѣ статическаго равновѣсія.

Кромѣ абсолютной цѣнности этого покрытія самого по себѣ, оно оказало немалое вліяніе и на каменное зодчество, напр., Коломенскій храмъ, храмъ Василия Блажнаго въ Москвѣ и нѣкоторые цѣликомъ, а второй въ значительной степени—деревянными шатровыми церквями, приводящими въ восторгъ всѣхъ, могущихъ любоваться красотами природы и соприкасающихся съ этими архитектурными созданіями. Если на примѣръ, укажу на церковь въ Ускомъ посалѣ, теперь уже сгорѣвшую, на Успенскую церковь въ Варзугѣ, все это въ Архангельской губерніи, на Богородицкую церковь въ с. Верховьѣ Вологодской губ. Не могу не упомянуть здѣсь съ печалью о гибели Троицкой церкви въ Шеговарахъ Шенкурскаго уѣзда, сгорѣвшей этимъ лѣтомъ. Будетъ ли она возобновлена? Сомнѣваюсь. А между тѣмъ, она была одною изъ интереснѣйшихъ церквей Архангельской епархіи.

Тутъ и тамъ, въ большихъ размѣрахъ и въ миниатурѣ, иной разъ въ видѣ намека, но шатеръ на Сѣверѣ доминировалъ надъ всѣми другими формами покрытій—онъ былъ Альфа и Омега народнаго творчества и былъ въ тоже время настолько гибокъ и живучъ, что въ второй половинѣ 17 вѣка стали запрещать строить шатры, онъ устоялъ и тутъ, развивался и пробивалъ себѣ путь впередъ, пока не заросъ тропой народной фантазіи въ концѣ XVIII вѣка. Когда же, приспособляясь къ требованіямъ новаго времени—онъ вступилъ въ связь съ новыми архитектурными мотивами, напр., съ „бочками“—онъ придавалъ послѣднимъ особую законченность и красоту—укажу на церковь Владимірской Божіей Матери въ с. Подпорожьѣ, Онежскаго уѣзда (1745 г.), и на церковь Архангела Гавріила въ с. Юромѣ, Мезенскаго уѣзда (1681 г.)

III.

Слѣдующій типъ покрытій „кубоватые“ храмы—эти храмы явились, надо полагать, какъ результатъ приспособленій къ требованіямъ строить церкви не шатровыя—Изъ примѣровъ, особенно удачныхъ, могу назвать Троицкую церковь въ с. Подпорожьѣ и Преображенскую церковь въ с. Чекуевѣ, Онежскаго уѣзда.

IV.

Дальнѣйшимъ этапомъ развитія деревянныхъ храмовъ являются „ярусные храмы“—такъ называемые „четверикъ на четверикѣ“.—Вліяніе на развитіе данной конструкціи въ церквахъ (какъ, на примѣръ, укажу на Кандаликскую церковь Іоанна Предтечи) несомнѣнно оказала Украина: быть можетъ, занесено богомольцами, ходившими на поклоненіе кievскимъ угодникамъ, или скорѣй всего вліяніемъ епископовъ—украинцевъ, которые были, напр., въ Холмогорахъ, въ первые 4 десятилѣтія 18 вѣка. Они не могли порвать связи съ своей родиной, и даже ихъ резолюціи полны такими выраженіями, какъ „шкода“, „чимъ“, „з“ памяти вибилося“, „заишло въ забвеніе“ и т. д. (цитирую по І. М. Сибирцеву). Отсюда одинъ шагъ до многоярусныхъ храмовъ, которыми такъ полна Украина, и которые по своему очень хороши.

Все вышеуказанные приемы компоновки фасада деревянныхъ церквей заимчивались или одной или пятью главами.

V.

Накопецъ перестали довольствоваться даже пятиглавіемъ и начали строить церкви многоглавыя, какъ наприм., Ильинская церковь въ с. Чухчермѣ Холмогорскаго уѣзда, Срѣтенская—въ Заостровьѣ около Архангельска и завершены были эти церкви чудесными: семнадцатиглавою церковью Вытегорскаго посада и еще лучше—двадцатидноглавою Преображенскою церковью въ Кижяхъ Олонецкой губерніи, Петрозаводскаго уѣзда.

Почему же раньше создавались такіе величавые колоссы, какіе мы еще можемъ наблюдать у насъ на Сѣверѣ, а теперь церковное строительство стелется по землѣ?

Во время расцвѣта повгородской колонизаціи и значительно позднѣе, религія понималась, конечно, примитивнѣе, чѣмъ нынѣ. Во многихъ случаяхъ христіанство нашихъ предковъ отлично уживалось съ ихъ житейскими суевѣріями, представляющія перемѣшивались. Пользы было въ то время предполагать величность тонкихъ душевныхъ эмоцій—въ религіозной жизни—въ это суровое время борьбы—довольствовались зрительными и слуховыми ощущеніями и впечатлѣніями. Этой чертой—вліяніемъ зрительныхъ чувствъ на воображеніе человека, необходимо объяснить грандіозность деревянныхъ церковныхъ сооружений прошлыхъ временъ на Руси, ихъ декоративность въ архитектурныхъ массахъ.

Богъ великъ и всемогущъ и домъ Божій долженъ соответствовать и по видимости этому представленію о Творцѣ всемогущей. Первоначально сюда могло еще присоединиться то обстоятельство, что величіе и красота христіанскихъ храмовъ должно было дѣйствовать импонирующимъ образомъ на туземцевъ-язычниковъ, чѣмъ облегчалось и моральное ихъ покореніе, вслѣдъ за политическимъ.—Раньше на постройку храмовъ смотрѣли, какъ на исключительно большое, святое дѣло: даже рабочіе отбирались только хорошихъ правовъ.—При перестройкѣ Зачачевскихъ церквей въ концѣ 17 вѣка архіепископъ Афанасій требовалъ, чтобы работы производились: „со всякимъ береженіемъ и съотчапимъ добрымъ, плотникомъ единобрачнымъ, а недвееженцамъ“. При такомъ чрезвычайно серьезномъ взглядѣ на церковное строительство церкви приносились все, что было лучшаго для ея украшенія. Церковная живопись на Руси въ то отдаленное время не была развита количественно и мы видимъ въ этомъ отношеніи нѣкоторую бѣдность, внутри сѣвер-

пыхъ церковей. Но въ чемъ не былъ стѣсненъ сѣверянинъ, такъ это въ лѣсѣ, который былъ кругомъ въ изобиліи и прекраснаго качества.

Этотъ лѣсъ и давалъ возможность человѣку прославлять, воздвѣчивать Бога созданіемъ обширныхъ и „преукрашенныхъ“ храмовъ. Другихъ такихъ богатыхъ и могучихъ средствъ для осуществленія своихъ замысловъ сѣверянинъ не имѣлъ, но что имѣлъ—онъ использовалъ съ честію. Онъ сталъ строить храмы—памятники, которые одною своею прекрасною внѣшностью будили его религіозную мысль, всегда говорили о Богѣ—и это было нужно въ то суровое правами время. Для русскаго сѣверянина, постоянно находившагося въ борьбѣ съ природными трудностями и врагами внѣшними, наружный видъ церкви имѣлъ не меньше значенія, чѣмъ внутренній, первый всегда былъ на виду, передъ глазами, и вѣрующій сѣверянинъ, пожалуй, больше молился на улицѣ, чѣмъ внутри. Но не эти одиѣ причины были источникомъ такихъ богатыхъ по замыслу и исполненію твореній прошлыхъ вѣковъ; эти причины, быть можетъ, даже внѣшнія—а едва ли не главнымъ стимуломъ, побуждавшимъ русскаго человѣка къ творчеству, дававшимъ ему средства на осуществленіе своихъ замысловъ—была цѣльность и талантливость натуры русскаго человѣка, какъ таковой—бодрость духа въ крѣпкомъ тѣлѣ. Только такіе люди и могутъ создавать храмы—чудеса—какъ Николы въ Папиловѣ или двенадцатноглавую на погостѣ въ Кижяхъ Олонецкой губерніи. Папиловская церковь по блещетъ простотой, даже размѣрами она скромно сурова, со своимъ шатромъ, оживленная лишь—какъ глаза оживляютъ человѣка маленькими окошцами и безподобнымъ крылечкомъ—по попробуйте отдѣлать ее отъ прекрасной природы, среди которой она находится, этого сдѣлать нельзя, ибо она сама стала второй природой, она срослась съ этимъ берегомъ Двины, съ этими олами, которыя ее окружаютъ, она также говоритъ о Богѣ, какъ говоритъ о немъ и вся природа.

А Кижскій храмъ, это изумительное твореніе, въ которомъ русскій человѣкъ такъ размахнулся сказочной фантазіей и гениальностью—такихъ храмовъ дряхлые духомъ люди не творятъ, а творятъ натура жизнерадостныя.

Заключивая на этомъ свои бѣглыя замѣтки о дрепшемъ деревьяномъ русскомъ зодчествѣ на Сѣверѣ, высказываю архангельскому церковно-археологическому комитету свои искреннія пожеланія плодотворной работы въ дѣлѣ собиранія, охраненія и разъясненія памятниковъ старины—особенно старины монументальной. Плодотворность эта однако, въ значительной степени, зависитъ отъ поддержки церковно-археологическаго комитета духовною и свѣтскою властями, на каковую поддержку не только съ точки зрѣнія формальнаго закона, но и по существу комитетъ вправѣ надѣяться—но въ этомъ отношеніи еще болѣе нужна помощь всего русскаго общества, которое бы сознало и полюбило наше русское народное искусство, какое намъ не стыдно показать всему міру—намятуя, что искусство развилось въ пѣдрахъ русскаго націи, ибо только тогда мы вправѣ и можемъ пожать плоды дальнѣйшаго совершенствованія роднаго искусства, которое на крѣпкихъ корняхъ былаго творчества попомощиу начинаетъ снова пробивать себѣ дорогу на Русь.

Гражданскій инженеръ А. А. Каретниковъ.